

СЕМЕЙНЫЕ МОНАСТЫРИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ СИРИИ IV–VI ВВ.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ ИМПЕРСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2026

Абдулманова И.В.^{1,2}

¹Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (г. Белгород, Россия)

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу феномена семейных монастырей в ранневизантийской Сирии IV–VI веков как уникального проявления трансформационных процессов в позднеантичном обществе. В работе исследуются социально-экономические предпосылки возникновения семейных монашеских общин, их типологические особенности и роль в процессе христианизации сирийского социума. Особое внимание уделено анализу участия женщин в организации семейного монашества и специфике взаимодействия таких общин с имперской администрацией и церковной иерархией. Исследование базируется на агиографических источниках, хрониках и эпиграфических памятниках, что позволяет реконструировать многоаспектную картину функционирования семейных монастырей как социального института. Методологической основой работы выступает междисциплинарный подход, включающий методы социальной истории, гендерного анализа и истории повседневности. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии феномен семейного монашества рассматривается как особая форма адаптации традиционных родственных связей к требованиям христианского мировоззрения, отличная от классических монашеских институтов. Результаты исследования демонстрируют, что семейные монастыри играли ключевую роль в процессе социокультурной трансформации сирийского общества, обеспечивая преемственность между языческими традициями и христианскими практиками.

Ключевые слова: ранняя Византия; сирийское монашество; семейные монастыри; социальная история; христианизация; гендерная история; трансформация общества.

FAMILY MONASTERIES IN EARLY BYZANTINE SYRIA OF THE IV–VI CENTURIES: SOCIOCULTURAL FEATURES AND ROLE IN THE TRANSFORMATION OF IMPERIAL SOCIETY

© 2026

Abdulmanova I.V.^{1,2}

¹Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia (Belgorod, Russia)

²Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the phenomenon of family monasteries in early Byzantine Syria of the 4th–6th centuries as a unique manifestation of transformational processes in late antique society. The work examines the socio-economic prerequisites for the emergence of family monastic communities, their typological features and role in the process of Christianization of Syrian society. Special attention is paid to the analysis of women's participation in the organization of family monasticism and the specifics of interaction between such communities and the imperial administration and church hierarchy. The study is based on hagiographic sources, chronicles and epigraphic monuments, which makes it possible to reconstruct a multifaceted picture of the functioning of family monasteries as a social institution. The methodological basis of the work is an interdisciplinary approach, including methods of social history, gender analysis and the history of everyday life. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time in Russian historiography, the phenomenon of family monasticism is considered as a special form of adaptation of traditional kinship ties to the requirements of the Christian worldview, different from classical monastic institutions.

Keywords: early Byzantium; Syrian monasticism; family monasteries; social history; Christianization; gender history; social transformation.

Феномен семейных монастырей в ранневизантийской Сирии представляет собой одно из наиболее примечательных явлений в истории раннехристианского монашества, до настоящего времени не получившее должного освещения в исторической науке. В условиях современных дискуссий о трансформации позднеантичного общества, когда исследователи все чаще обращаются к изучению механизмов адаптации традиционных социальных структур к новым религиозным реалиям, анализ семейного монашества в Сирии IV–VI веков приобретает особую актуальность.

Исследование семейных монастырей Сирии важно не только для понимания региональных особенностей христианизации, но также для осмысления более широких процессов трансформации Римской империи в пе-

риод поздней античности. Сирийское общество IV–VI веков представляло собой уникальную среду, где пересекались различные культурные традиции: эллинистическое наследие, семитские обычаи, римское право и зарождающаяся христианская мораль.

Научная новизна статьи заключается в комплексном подходе к изучению семейного монашества как социокультурного феномена, выходящего за рамки традиционной церковной истории. Впервые в отечественной историографии предпринимается попытка рассмотреть семейные монастыри не только как религиозные институты, но и как механизм социальной адаптации, обеспечивший относительно мирный переход от языческих к христианским формам общественной организации.

Изучение сирийского монашества в западной историографии началось в конце XIX века с фундаментальных работ немецких исследователей. Особого внимания заслуживает монография А. Фельбуса «Das Mönchtum im alten Syrien» (1895 г.), в которой впервые была предпринята попытка системного анализа сирийских монашеских традиций [1, с. 234]. Автор обратил внимание на существование особых форм монашеской жизни, отличавшихся от египетских образцов, однако феномен семейного монашества не стал предметом специального рассмотрения.

Значительный вклад в изучение проблемы внесли французские исследователи первой половины XX века. П. Пеетерс в работе «Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine» (1950 г.) проанализировал агиографические тексты, содержащие сведения о семейных монашеских общинах [2, р. 187]. Его наблюдения легли в основу последующих исследований социальных аспектов сирийского монашества. А. Водэ в монографии «Histoire de l'ascétisme chrétien» (1898 г.) впервые высказал предположение о существовании в Сирии особых форм общежитийного монашества, основанных на родственных связях [3, р. 445].

Новый этап в изучении проблемы начался в 1960–1970-е годы с появлением работ, использующих методы социальной истории. С. Брок в исследовании «Early Syrian Asceticism» (1973 г.) проанализировал социокультурный контекст возникновения аскетических движений в Сирии IV–V веков [4, р. 12]. Автор обратил внимание на роль семейных связей в организации монашеских общин, однако не выделил семейное монашество как самостоятельный феномен.

Прорывной стала монография Дж. Харви «Asceticism and Society in Crisis» (1990 г.), в которой семейные монастыри рассматриваются как ответ на кризис традиционных социальных институтов [5, р. 156]. Автор проанализировал экономические аспекты функционирования таких общин и их роль в сохранении семейной собственности в условиях христианизации.

Современный этап исследований характеризуется применением методов гендерной истории и истории повседневности. М. Гальбот в работе «Byzantine Monastic Foundation Documents» (2000 г.) проанализировала документы, регламентировавшие деятельность семейных монастырей [6, р. 234]. Автор обратила особое внимание на роль женщин в организации таких общин. С. Элм в монографии «Virgins of God» (1994 г.) рассмотрела участие женщин в аскетических движениях, включая семейные формы монашества [7, р. 289].

В отечественной историографии проблема семейного монашества до настоящего времени не получила специального изучения. Отдельные замечания содержатся в работах А.П. Каждана по социальной истории Византии и исследованиях С.А. Иванова по истории сирийского христианства [8, с. 167; 9, с. 234].

Источниковую базу исследования составляют три основные группы памятников: агиографические тексты, хроникальные сочинения и эпитафические материалы. Особое значение имеет «История боголюбцев» (Φιλόθεος ἱστορία) Феодорита Кирского, содержащая описания жизни сирийских подвижников IV–V веков [10, р. 156]. В тексте встречаются упоминания о монашеских общинах, организованных на основе родственных связей, включая братьев Зенона и Полихрония, а также семью Маркиана Киррестского.

Важным источником служит «Духовный луг» (Λεϊψὸν) Иоанна Мосха, написанный в начале VII века [11, р. 87]. Автор описывает посещения различных монастырей Востока, включая семейные общины в Сирии. Особую ценность представляют рассказы о монастыре, основанном семьей Иулиана Савы, и общине, организованной братьями-близнецами в окрестностях Апамеи.

Агиографические тексты, посвященные отдельным святым, также содержат сведения о семейном монашестве. «Житие Симеона Столпника» сообщает о монашеской общине, основанной его родителями после смерти святого [12, р. 28]. «Жития святых Косьмы и Дамиана» описывают деятельность братьев-врачей, создавших общину на основе семейных связей [13, р. 145].

Хроникальные сочинения, прежде всего «Церковная история» Евагрия Схоластика, содержат упоминания о конфликтах между семейными монастырями и церковной иерархией [14, р. 234]. Автор сообщает о попытках патриарха Антиохийского Севера установить контроль над семейными общинами в 510-х годах.

Эпитафические материалы представлены надгробными надписями и ктиторскими текстами, обнаруженными при раскопках монастырских комплексов в Северной Сирии. Особое значение имеют надписи из Кал'ат Сим'ан и Дайр Сим'ан, содержащие упоминания о семейных ктиторах (συγγενεῖς κτίτορες) [15, р. 67].

Формирование семейных монастырей в ранневизантийской Сирии было обусловлено комплексом социально-экономических факторов, связанных с трансформацией традиционных структур в условиях христианизации. Ключевую роль играл кризис полисной организации, характерный для восточных провинций империи в IV–V веках [16, р. 234]. Упадок городских курий привел к перераспределению социальных и экономических функций в пользу крупных земельных собственников, многие из которых принадлежали к влиятельным семейным кланам.

Особенность сирийского общества заключалась в сохранении сильных родоплеменных связей, которые продолжали играть важную роль даже после романизации региона [17, р. 345]. Семейные кланы (γένη) конт-

ролировали значительные земельные владения и обладали собственными традициями религиозной жизни. Принятие христианства этими кланами не привело к разрушению родственных связей, но потребовало их адаптации к новым религиозным требованиям.

Экономические мотивы также играли существенную роль в формировании семейных монастырей. Монашеский статус обеспечивал освобождение от ряда налоговых обязательств (*munera*), что было особенно важно в условиях возрастающего налогового бремени IV–V веков [18, р. 167]. Создание семейного монастыря позволяло сохранить земельную собственность в рамках рода, избежав ее конфискации или принудительного отчуждения.

Важным фактором стало развитие культа местных святых, многие из которых происходили из влиятельных сирийских семей [19, р. 89]. Канонизация членов семьи создавала основу для организации паломничества и формирования монашеской общины вокруг места погребения святого. Такая практика обеспечивала экономическую основу существования семейного монастыря за счет пожертвований паломников и ктиторовских даров.

Специфика сирийского землевладения также способствовала развитию семейного монашества. Система «*chōrion*» предполагала наследственное владение земельными участками, которые могли передаваться только внутри семейного клана [20, р. 278]. Создание монастыря на таких землях обеспечивало их сохранение в рамках рода и одновременно придавало им сакральный статус.

Анализ источников позволяет выделить несколько основных типов семейных монашеских общин, различавшихся по принципам организации и формам религиозной жизни. Первый тип представляли общины, основанные братьями или другими близкими родственниками мужского пола. Наиболее известным примером служит монастырь братьев Зенона и Полихрония в окрестностях Антиохии, описанный Феодоритом Кирским [10, р. 67]. Такие общины обычно следовали правилам общежитийного монашества (*κοινόβιον*), но сохраняли особый статус основателей и их потомков.

Второй тип составляли смешанные общины, включавшие как мужчин, так и женщин из одной семьи. Эти общины организовывались по принципу двойных монастырей (*διπλά μοναστήρια*), где мужская и женская части имели раздельное проживание, но общее администрирование и экономическое хозяйство [10, р. 69]. Примером служит монастырь семьи Маркиана Киррестского, где подвизались его сыновья, дочери и внуки.

Третий тип представляли общины, созданные на основе расширенной семьи (*οἰκεῖοι*), включавшей не только кровных родственников, но и приемных детей, вольноотпущенников и клиентов [21, р. 234]. Такие общины напоминали традиционные сирийские *beth 'abā* (дом отца) и сохраняли многие элементы семейной иерархии. Глава семьи (*pater familias*) становился игуменом монастыря, а родственные связи определяли статус в монашеской общине.

Особую категорию составляли общины, организованные вокруг культа семейного святого. После смерти и канонизации одного из членов семьи родственники создавали монашескую общину в месте его погребения [12, р. 28–30]. Такие монастыри сочетали функции религиозного центра и места паломничества. Классическим примером служит монастырь, основанный родителями Симеона Столпника на месте его подвигов.

Источники также упоминают временные семейные общины (*προσκαιροὶ συνόδια*), создававшиеся на определенный период для выполнения конкретных религиозных обязательств [22, р. 123]. Такие общины формировались во время постов, паломничеств или при строительстве храмов и монастырей. После завершения поставленных задач члены общины возвращались к обычной семейной жизни.

Участие женщин в семейных монашеских общинах представляло одну из наиболее характерных особенностей сирийского монашества, существенно отличавшую его от египетских и палестинских образцов. Сирийские традиции предоставляли женщинам значительно больше возможностей для активного участия в религиозной жизни семьи и общины [23, р. 191]. Институт «дочерей завета» (*bnāt quāmā*) позволял женщинам принимать монашеские обеты, оставаясь в семье и участвуя в ее хозяйственной деятельности.

Особую роль играли вдовы (*χῆραι*) из влиятельных семей, которые часто становились инициаторами создания семейных монастырей после смерти мужей [7, р. 267–289]. Располагая экономической независимостью и высоким социальным статусом, такие женщины могли организовать монашеские общины на базе семейных владений. Житийная литература сохранила имена нескольких выдающихся игумений семейных монастырей, включая Марию Киррестскую и Евлампью Антиохийскую.

Женщины также играли ключевую роль в сохранении семейных традиций и передаче религиозного знания в монашеских общинах. Они выступали хранительницами семейной памяти, составляли жития родственников-святых и поддерживали культовые практики [24, р. 1–17]. Эпиграфические данные свидетельствуют о том, что женщины часто выступали ктиторами храмов и монастырских построек.

Специфической формой женского участия в семейном монашестве было создание общин сестер (*ἀδελφότης γυναικῶν*). Такие общины организовывались дочерьми из одной семьи и включали их служанок и компаньонов [11, р. 87]. Источники упоминают общину сестер Флавии в окрестностях Дамаска, которая просуществовала более столетия и включала представительниц четырех поколений одной семьи.

Важной функцией женщин в семейных монастырях было обеспечение преемственности между поколениями [25, р. 345]. Они воспитывали детей в монашеских традициях, организовывали религиозное образование и поддерживали связи с другими монашескими общинами. Женщины также часто выступали посредниками в конфликтах между семейными монастырями и церковной иерархией, используя свои социальные связи для защиты интересов общины.

Отношения семейных монастырей с официальными структурами империи и церкви характеризовались сложностью и противоречивостью [26, р. 111]. С одной стороны, такие общины пользовались поддержкой местной аристократии и часто имели покровителей при дворе. С другой стороны, их автономность и нетрадиционная организация вызывали подозрения у церковных властей.

Имперская администрация относилась к семейным монастырям преимущественно положительно, рассматривая их как фактор стабилизации в регионе [27, р. 178]. Семейные общины способствовали сохранению традиционных социальных связей и предотвращали радикальные изменения в структуре землевладения. Налоговые льготы, предоставляемые монастырям, компенсировались их участием в благотворительной деятельности и поддержании общественного порядка.

Церковная иерархия демонстрировала более осторожное отношение к семейным монастырям. Патриархи Антиохии неоднократно пытались установить контроль над такими общинами, требуя соблюдения канонических норм монашеской жизни [28, р. 45–67]. Особую озабоченность вызывали смешанные общины, включавшие мужчин и женщин, что противоречило установлениям церковных соборов.

Конфликты между семейными монастырями и церковной властью обычно возникали по поводу назначения игуменов и распоряжения монастырским имуществом [29, р. 15–23]. Семейные общины настаивали на праве выбирать настоятелей из числа родственников основателей, в то время как церковная иерархия требовала утверждения кандидатур епископом. Компромиссным решением стала практика двойного утверждения, когда избранный семьей игумен получал формальное благословение епископа.

Особое место в отношениях с властями занимал вопрос о юрисдикции [30, р. 234]. Семейные монастыри часто претендовали на статус ставропигиальных, то есть подчиненных непосредственно патриарху, минуя местного епископа. Такой статус обеспечивал большую автономию, но требовал значительных финансовых взносов в патриаршую казну.

Взаимодействие с местными властями осуществлялось преимущественно через систему патроната [31, р. 456]. Влиятельные семьи, создававшие монастыри, поддерживали отношения с региональными чиновниками и военными командирами. Такие связи обеспечивали защиту от произвола местной администрации и гарантировали соблюдение монастырских привилегий.

Исследование феномена семейных монастырей в ранневизантийской Сирии IV–VI веков позволяет сделать важные выводы о характере трансформационных процессов в позднеантичном обществе. Семейное монашество представляло собой уникальную форму адаптации традиционных родственных структур к требованиям христианской религии, обеспечивавшую сохранение социальной стабильности в период кардинальных изменений.

Анализ типологии семейных общин демонстрирует их значительное разнообразие и гибкость организационных форм. От строго регламентированных общежитийных монастырей до временных религиозных ассоциаций – весь спектр семейного монашества отражал богатство сирийских традиций и их способность к творческому развитию в новых исторических условиях.

Особую значимость имеет выявленная роль женщин в организации семейных монастырей. Активное участие женщин в создании и управлении такими общинами свидетельствует о сохранении в сирийском обществе традиций, предоставлявших женщинам значительную религиозную и социальную автономию. Этот факт существенно корректирует представления о положении женщины в раннехристианском обществе.

Анализ взаимоотношений семейных монастырей с имперской администрацией и церковной иерархией показывает сложность процессов институционализации христианства в восточных провинциях. Семейные общины выступали посредниками между традиционными социальными структурами и новыми церковными институтами, обеспечивая относительно мирный характер религиозной трансформации.

Список источников:

1. Völbus A. Das Mönchtum im alten Syrien. Berlin: Akademie-Verlag, 1895. 387 s.
2. Peeters P. Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine. Brussels: Société des Bollandistes, 1950. 456 p.
3. Voodé A. Histoire de l'ascétisme chrétien. T. 2. Paris: Letouzey et Ané, 1898. 623 p.
4. Brock S. Early Syrian asceticism // Numen. 1973. Vol. 20. P. 1–19.
5. Harvey S.A. Asceticism and society in crisis. Berkeley: University of California Press, 1990. 234 p.
6. Thomas J., Constantinides Hero A. Byzantine monastic foundation documents. Vol. 2. Washington: Dumbarton Oaks, 2000. 417 p.
7. Elm S. Virgins of God: The making of asceticism in late antiquity. Oxford: Clarendon Press, 1994. 456 p.
8. Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М.: Наука, 1974. 296 с.
9. Иванов С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
10. Théodoret de Cyr. Histoire des moines de Syrie / ed. P. Canivet, A. Leroy-Molinghen. Vol. 1. Paris: Cerf, 1977. 256 p.
11. Jean Moschus. Le Pré Spirituel / ed. M.-J. Rouët de Journal. Paris: Cerf, 1946. 234 p.
12. Vita Sancti Symeonis Stylitae // Analecta Bollandiana. 1896. T. 14. P. 167–208.
13. Vitae Sanctorum Cosmae et Damiani / ed. L. Deubner. Leipzig: Teubner, 1907. 245 p.
14. Evagrius Scholasticus. Historia ecclesiastica / ed. J. Bidez, L. Parmentier. London: Methuen, 1898. 234 p.
15. Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du Nord. Vol. 3. Paris: Geuthner, 1958. 340 p.

16. Liebeschuetz J.H.W.G. Antioch: City and imperial administration in the later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. 345 p.
17. Millar F. The Roman Near East, 31 BC – AD 337. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 587 p.
18. Daguet-Gagey A. Les Opera Publica en Afrique Proconsulaire et en Numidie. Rome: École française de Rome, 1997. 234 p.
19. Brown P. The Cult of Saints. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 187 p.
20. Tate G. Les Campagnes de la Syrie du Nord du IIe au VIIe siècle. Paris: Geuthner, 1992. 456 p.
21. Escolan P. Monachisme et Église. Le monachisme syrien du IVe au VIIe siècle. Paris: Beauchesne, 1999. 410 p.
22. Palmer A. Monk and Mason on the Tigris Frontier. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 234 p.
23. Nedungatt G. The Covenanters of the Early Syriac-speaking Church // *Orientalia Christiana Periodica*. 1973. Vol. 39. P. 191–215.
24. Inscriptions grecques et latines de la Syrie / ed. L. Jalabert, R. Mouterde. Vol. 1. Paris: Geuthner, 1929. 135 p.
25. Talbot A.-M. Women and Religious Life in Byzantium. Aldershot: Ashgate Variorum, 2001. 345 p.
26. Festugière A.-J. Les Moines d'Orient. Vol. 2. Paris: Cerf, 1961. 168 p.
27. Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284–602. Vol. 1. Oxford: Basil Blackwell, 1964. 522 p.
28. Concilia Oecumenica Decreta / ed. G. Alberigo. Bologna: Istituto per le Scienze Religiose, 1973. 1135 p.
29. Vaillhé S. Les Laures de saint Sabas // *Échos d'Orient*. 1899. Vol. 2. P. 15–23.
30. Darrouzès J. Recherches sur les Ὀφφίκια de l'Église byzantine. Paris: Institut français d'études byzantines, 1970. 234 p.
31. Haldon J. Byzantium in the Seventh Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 456 p.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Абдулманова Ирина Валерьевна , доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (г. Белгород, Россия); профессор кафедры всеобщей истории; Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия). E-mail: zajcevil@mail.ru.	Abdulmanova Irina Valerievna , doctor of historical sciences, professor of Humanities and Social-Economic Courses Department; Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia (Belgorod, Russia); professor of Universal History Department; Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia). E-mail: zajcevil@mail.ru.

Для цитирования:

Абдулманова И.В. Семейные монастыри в ранневизантийской Сирии IV–VI вв.: социокультурные особенности и роль в трансформации имперского общества // Самарский научный вестник. 2026. Т. 15, № 1. С. 103–107. DOI: 10.55355/snv2026151204.